

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 27 (2290).

Суббота, 29 июня 1946 г.

Цена 45 коп.

Высокая награда— высокие обязательства

Присуждение Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки, за изобретения и коренные усовершенствования методов производства, за выдающиеся работы в области искусства и литературы — это живое свидетельство неустанных движений вперед, размаха созидательного труда во всех областях жизни нашего социалистического государства. Это — всемарковый праздник советской культуры, ставший в нашей стране славной традицией. Переучень работ, удостоенных Сталинской премии, говорит о том, что и в сфере научно-технических знаний и в области практической науки различных отраслей искусства и литературы советская интеллигенция достигла в 1945 году больших успехов. Сталинской премией отмечены выдающиеся научные труды в области физико-математических, технических, химических, геолого-географических, биологических, сельскохозяйственных, медицинских, экономических, историко-филологических и философских наук. Значительный спрос выдающихся изобретений и коренных усовершенствований методов производственной работы говорит о неустанном новаторстве, о вдохновенной и плодотворной деятельности советских специалистов. Лучшие произведения театрально-драматического, музыкально-изобразительного искусства свидетельствуют о росте мастерства советских художников, воспитании новых талантливых творческих кадров.

Произведения литературы, отмеченные высокой наградой, были созданы в 1945 году. Это был великий год — последний год мировой войны, принесший окончательный разгром вражеских сил фашизма, подтверждавший мудрость сталинской стратегии. И в этом же году приступила советский народ к выполнению пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР. С новым подъемом созидающей энергии нашего народа обратились к решению великих задач, которые поставили перед нами победа.

Успехи советской культуры имеют прочную и неслыханную основу в мудрой, прогорянной политике партии Ленина — Сталина. Начиная с первых лет существования советской власти, партия и правительство окружили заботой и вниманием научную и художественную интеллигенцию. В трухные годы гражданской войны республика обеспечивала ученых, художников, литераторов всем, что было необходимо им для успешного труда. Иные, почти трижды лежащие на земле, перспективный этап развития работ предусматривает колосальное расширение творческой деятельности, развитие огромного культурного строительства в нашей стране.

Чувство тесного единства с миллионными массами, сознание огромности и почестности творческих задач, поставленных эпохой, позволяет деятелям советской культуры работать с подлинной художественной страстью и создавать произведения высокого мастерства.

Читатель горячо приветствовал роман Александра Фадеева «Молодая гвардия». В этой книге, одновременно нежной и суровой, исполненной любви и ненависти, скорби и гнева, изображена героическая советская юность, с честью выдержавшая страшное испытание войны. В романе Фадеева раскрыты все благородство советского строя, сила его принципов, неубиваемость его устоев.

О войне и молодости рассказывает и другая книга, удостоенная Сталинской премии — повесть Валентина Каева «Сын погибла». По-особому, на свой лад, с той убедительностью, которая является плодом слияния правды жизни и правды искусства, изображен автор человечность запингиков советской Родины. Превосходные личные качества бойцов и офицеров Красной Армии тесно связаны с ее всемирно-обобщающей ролью. Эта важная и верная идея естественно и живо воплощена в повести Каева.

Советская литература необычайно многообразна. И в этом ее качестве также от-

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА ССР О награждении писателя Замойского П. И. орденом Трудового Красного Знания

За заслуги в области литературы, в связи с 50-летием со дня рождения, наградить писателя Замойского Петра Ивановича орденом Трудового Красного Знания.

Президент Президиума Верховного Совета ССР Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета ССР А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 25 июня 1946 года.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ — СОЮЗ МОНГОЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В связи с 25-летием Монгольской Народной Республики Союз советских писателей СССР обратился к монгольским писателям с приветствием:

«В День Вашего национального праздника — 25-летия со дня освобождения Монголии Союз советских писателей СССР шлет монгольским писателям, верным и достойным сыновам своего славного народа, братский привет дружбы и радости. Эта четверть века в мирном труде и на полях боях против общих врагов напечатала скрепу дружбы монгольского народа с народами Советского Союза и нагло закрыла границы для империалистических хищников.

Сегодня особенно отрадно отметить, что в деле все возрастающих культурных связей литература сыграла чрезвычайно ответственную роль. Наш великий Горький был первым писателем, кому писатели Монголии, приступая к созданию современной монгольской литературы, обратились за дружеским советом.

Слова Горького, который сознавал всю трудность работы, предстоявшей монгольской интеллигенции, его пожелание Вам бодрости духа и непоколебимой веры в то, что «Вы начали великое и необходимое дело», были горючим и прочным началом для дружеской артели наших литераторов.

Он знал Вас, обращаясь с опытом нашей и других литератур, выбирать те произведения, которые учат активному отношению к жизни; те книги, в которых с наибольшим выражением принцип активности, на- прижения мысли, стремящейся к действи-

Привет выдающимся мастерам советской культуры — лауреатам Сталинской премии!

В Совете Министров Союза ССР

III.

О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1945 год

Совет Министров Союза ССР постановил:

Присудить Сталинские премии за выдающиеся работы 1945 года в области:

A. МУЗЫКИ

I. Крупные музыкально-оценочные и вокальные произведения (опера, балет, оратория, канцата)

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. Пронофеев Сергею Сергеевичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за балет «Золушка».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. Капну Эугену Артуровичу, заслуженному артисту РСФСР — за оперу «Батын» («Родина»). 2. Каравеу Кару, Гаджиеву Ахмету —

за оперу «Огни мицелия».

II. Крупные инструментальные произведения

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. Кабалевскому Дмитрию Борисовичу, профессору Московской Государственной консерватории имени П. И. Чайковского — за квартет № 2.

2. Максимову Николаю Яковлевичу,

заслуженному деятелю искусств РСФСР — за концерт для виолончели с оркестром.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. Латышинскому Борису Николаевичу, заслуженному деятелю искусств Украины — за Украинский квинтет.

2. Муратову Валю Ильиничу — за симфонию № 2.

III. Произведения малых форм

Премию ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. Свиридову Георгию Васильевичу — за трио.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. Гнесину Михаилу Фабиановичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за сонату-фантазию для фортепиано и струнных инструментов.

2. Блантеру Матвею Исааковичу — за серенаду для струнного оркестра.

IV. Концертно-исполнительская деятельность

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. Александрову Александру Васильевичу, народному артисту СССР, пирожнику.

2. Игумнову Константину Николаевичу, пианисту.

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. Свешникову Александру Васильевичу, народному артисту РСФСР, пирожнику.

2. Чернекину Семену Александровичу, пианисту.

B. ЖИВОПИСИ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. Найданчу Дмитрию Аркадьевичу — за портрет И. В. Стадина.

2. Пластову Аркадию Александровичу,

заслуженному деятелю искусств РСФСР — за картины «Сенокос», «Жатва».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. Богородскому Федору Семёновичу, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за серию портретов деятелей советской культуры.

2. Канулько Эльфире Яновиче, заслуженной артистке Латвийской ССР, певице.

C. СКУЛЬПТУРЫ

Премии ПЕРВОЙ степени в размере 100.000 рублей

1. Мухиной Екатерине Ильиничне, заслуженному деятелю искусств РСФСР — за скульптурный портрет грузинского поэта А. П. Крылова.

2. Николадзе Якову Ивановичу, народному мастеру Грузии — за скульптуру «Хахулахе».

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. Вучетичу Евгению Рикторовичу — за скульптурный портрет генерала армии И. Д. Черняховского.

D. АРХИТЕКТУРЫ

Премии ВТОРОЙ степени в размере 50.000 рублей

1. Шусеву Алексею Викторовичу, архитектору.

2. Майкову Борису Васильевичу, архитектору.

3. Иванову Георгию Васильевичу, архитектору.

4. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

5. Капитонову Георгию Георгиевичу, архитектору.

6. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

7. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

8. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

9. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

10. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

11. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

12. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

13. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

14. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

15. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

16. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

17. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

18. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

19. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

20. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

21. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

22. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

23. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

24. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

25. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

26. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

27. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

28. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

29. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

30. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

31. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

32. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

33. Григорьеву Георгию Георгиевичу, архитектору.

В. П. Катаев

А. М. Улитин

А. С. Исаакян

Якуб Колас

Выдающиеся произведения советской литературы

Мы живем уже в дни мира, но новому пятилетнему плану, принятому на исторической сессии Верховного Совета. Замолкли глухие залпы, потрясшие землю. Кровь впиталась в почву. Развалины покрылись травами. Окопы сравнялись с землей. Идет первое мирное лето. Начинается огромная созидательная работа. Это работу делает советский человек, обладающий чудесным опытом непротиворечий деятельности борьбы за новое социалистическое общество.

Литература тоже жила на поле сражения. Она изображала героев сначала бегло, как самое первое свидетельство очевидца, она дышала высоким пафосом неосредственного обращения к героям в пылу битвы. Советский человек, покрытый славой, прошел через испытания страшной войны и вернулся на путь мирного труда. Защитник мировой культуры, он снова в облике труженика, искателя, покорителя природы, усмириителя стихий, творца нового.

Писатели, возвращаясь к дням войны, ищут уже не белого изображения героя, а тщательно, продуманно, со всей силой изображающего правду искусства, вскрывающую внутреннюю жизнь героя и не склоняются на подробности. И темы их уже выходят за пределы простого сочетания кратко наблюдаемого, узко описанного подвига. В произведениях, которым присуждены Сталинские премии за 1945 год, мы найдем тему советской молодости, великолепной комсомольской молодости, тему советской гуманизма, тему судьбы детей, брошенных на военные дороги супортивной действительности тех дней.

В стихах, которым присуждена премия, перед нами пройдет великолепное вдохновение народных поэтов, создавших прекрасные строки для величины родины, о силе патриотизма, о мужестве и непобедимости советского человека.

Александр Фадеев создал большую эпопею о краснодонских комсомольцах-подпольщиках. Он назвал свою роман «Молодая гвардия». Эти юноши и девушки, действительно живущие, имеющие ими всем известные, повторенные всем советским народом с волением и благородностью за них подвиг — и Олег Кошевой, и Иван Земнухов, Ульяна Громова, Сергей Толстенин. Любовь Шевченко и другие юноши со всей силой жизни на страницах романа.

И хорошо, что роман написан не ходовым, эпическим стилем, где неизбежен ходок бессмертия, а с жаром, с горестью, с ожесточением. Мы видим, какими были замечательными эти молодые люди, которых жизнь поставила перед лицом борьбы и смерти, мы слышим их звонкие голоса, видим их поступки, идущие из самой глубины их советской души, непримиримой и непобедимой. День за днем мы следим за отчаянной работой подпольщиков, которых не может смузить ни сила борьбы, ни ее звереское, истилленное, беспощадное сопротивление.

Они прославили свой маленький Краснодон, и он стал большим, близким, победоносным для всего советского народа. Эта книга захватывает читателя потому, что он видит правду каждого часа жизни, полной широкого дыхания, человеческого тепла, сильной веры в нацию победу, веры в будущее нашего народа.

Он видит в действии, что такое коммунистическое воспитание, какие преобразования народные, которые рождают все социалистическое общество. Фадеев показал только группу молодых борцов Краснодона, но эти героя характерны для тысяч советской молодежи, также борющихся на просторах нашей земли с фашистами-захватчиками и палачами. Рядом со старыми большевиками, такими, как Шульгин и Валько, они, молодые кадры, показывают, какого высокого роста достигает мастерство обыкновенного нашего человека, как светло сознательны он, как горячо и прекрасно его сердце.

Советский народ непобедим — это формула написана самыми действенными образами героями Краснодона, всей их жизнью и смертью.

Мы знаем таких мальчиков, бывших в Красной Армии, бывших в партизанских отрядах, испытавших все превратности войны и теперь сидящих из школьной парты. Но виденное никогда не изгадится из их луки. Катаев нарисовал нам первый портрет такого мальчика и нарисовал его, не приемыш, которого привлекают к реалистическому изображению древней культуры.

Улитин показывает и развитие революционных идей в массах трудового крестьянства.

Катаев пишет о поэзии получили два выдающихся писателя, два старых народных поэта — Альберт Исаакян и Якуб Колас.

Катаев сегодня показал нам рождение первого исторического романа на узбекском языке — «в саду своего наれения», в советское время, в расцветающем, прекрасном Узбекистане, перед лицом великих достоинств Сталинского века; он открыл большой путь узбекским писателям о материальном и духовном преобразовании латышской культуры.

Улитин показывает и развитие революционных идей в массах трудового крестьянства.

Роман Улитина с большим вниманием показывает широкий советский читатель, малоизвестный с великолепным талантом этого прекрасного автора многочисленных больших романов, народного писателя и выдающегося деятеля латышской культуры.

Сталинскую премию по поэзии получили два выдающихся писателя, два старых народных поэта — Альберт Исаакян и Якуб Колас.

Они советский мальчик, и нет никакой сентиментальности в его характере, а все его детские черты показывают, какой большой душой человек может вырасти из этого крохотного артиллериста-разведчика. Катаев имеет талант исклого и замечательного рассказчика. Но под этой веселостью и занимательностью скрыты очень глубокие вещи. Может быть, почесть о мальчике и попке грешит некоторой поучительностью, мальчик мог и не идти в Суворовское училище, но сам мальчик именно один из тех, кто, выросши, несомненно, станет хорошим защитником родины! Он именно из тех, кто знает с детства трудные испытания и своим путем пробивается в жизнь.

Мы знаем таких мальчиков, бывших в Красной Армии, бывших в партизанских отрядах, испытавших все превратности войны и теперь сидящих из школьной парты. Но виденное никогда не изгадится из их луки. Катаев нарисовал нам первый портрет такого мальчика и нарисовал его, не приемыш, которого привлекают к реалистическому изображению древней культуры.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Наводчик Ковалев дан тоже в действии, вместе со своей «техникой» — пушкой, которую он знает, как никто. Он мастер точной стрельбы. Артиллерист изменился тоже, как и люди. Но изменились не только пушки. Изменилось и другое. В первом империалистической войне Ковалев тоже стрелял из пушки, но всем сейчас понятно, что такое родина — во всем значении этого слова.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Армии.

Катаев нарисовал нам картину, каким является нам в действии, ограниченным боевой обстановкой. Но и этого краткого срока достаточно, чтобы мы поняли, что он нам близок и очень приятен. В нем отражается и характер советского, русского человека и характер великой воспитательной школы, которой мы зовем Красной Ар

„За тех, кто в море!“

Верный свой теме, своим героям, Борис Лавренев написал талантливую пьесу о людях советского флота — «За тех, кто в море».

В ней привлекает прежде всего ясность, отчетливость замысла. Достоинство пьесы и в живости языка, и в тоинности авторских наблюдений и зарисовок. Жизнь советского корабля с его волеющей в будни романтикой предстает перед нами в образах людей моря, чистых и душеподобных, гордых званием советских моряков.

Самолюбивая эжэла славы и полнивших патриотизм стяживаются в образах двух героев Лавренева — офицеров Боровского и Максимова.

«Давайте выпьем за славу», — предлагает гостя блестящий, удивленный Боровский. — «Слава капитана! За нее надо гнаться держко, упорно...».

«Чепуха! Вредная чушь!» — обрывает его Максимов.

Этот, казалось бы, старый, как мир, конфликт сохраняет для нас остроту современной проблемы. Вот почему в пьесе не вызывают протеста традиционные мотивы: они не истерпаны в жизни до конца.

Среди героев пьесы особое место занимает капитан-лейтенант Максимов. В нем подкупают прежде всего честность. Это большой, «гребущий», как говорит о нем ремарка, человек, в нем есть и застенчивость, и упрямство. Это, если можно так сказать, упрямство мысли, идей. Уверенно ведет Максимов отряд десантников в штурм, в море. «Мальчики могут ножки промочить!» — иронически бросает он, когда осторожный начальник пытается отменить выход отряда. Максимов, упрямый и простодушный, заставляет нас верить в силу своего бесстрашия, благородства, верности.

Своебразная фигура — Харитонов, командир дивизиона, кадровый моряк. Его интересы ограничены кораблем и морем. В отношениях с людьми он официален, даже якорем у него особый — «начальнический». К этому, быть может, обязывает его положение «отца» дивизиона, ответственного за порученное ему дело. Отсюда некоторая барбетность тона, снисходительные интонации, особая, чуть старомодная «морская» лексика.

Одни из привлекательнейших персонажей пьесы — дивизионный механик Андрюша Клобуков. Одерганный формулами, по-груженный в математические расчеты, этот ученик инженер на корабле сперва кажется нам старым знакомым, дежурным «кулаком», небожителем в пьесе. Но если не спешить с аналогиями, ясно видишь, что отличает Клобукова от его многочисленных театральных предшественников: он прежде всего — моряк, практик, воин, и расчеты, цифры, все эти «произведения короля кубического», ни на минуту не отвлекают его от повседневных корабельных работ, от чистых, «чищающих» моторов, фанеров «на феновском клене». В этой живой связи Клобукова с жизнью, с будничными интересами корабля — основные черты его образа.

Старший лейтенант, отважный Рекало, — дядя лирике в пьесе Лавренева. В прошлом бездомный цыганенок, он хлебнул долю стечения «цыганской свободы», затем, пройдя детдом, фабзавку, становится моряком. «Кровь потянула. Моряк ведь тот же кочевник», — рассказывает он о себе. Рекало — одаренная натуря, он пишет стихи, любит старые цыганские песни. Юный, веселый, он «немножко» влюблен в капитана Шабунина, дивизионного врача — жену Боровского. С сожалением расставшись с этим светлым, жизнерадостным, широким парнем, которому суждено погибнуть в финале пьесы.

Только образ матери командира дивизиона Харитонова Софьи Петровны написан драматургом в живых интонациях всей пьесы, с юмором, с большой человеческой теплотой.

Постановку новой пьесы Б. Лавренева первым осуществил Ленинградский Академический театр имени А. С. Пушкина (режиссер — А. Музиль).

В спектакле «За тех, кто в море!» мы вновь ощущаем тревожную атмосферу войны, хоть нет в нем батальных сцен, стрельбы. Правда, театр поставил спектакль нарядно; здесь есть и шум прибоя, и летящие над волнами чайки... Зритель аплодирует волнам и чайкам, и всей прочей буффонаде и тут же забывает о ней. Образы же людей, «тех, кто в море», запоминаются надолго.

Старый «моряцкий» тост, первый тост, возглашаемый моряками, «за тех, кто в море», оживший в образах героев пьесы Лавренева, напомнил нам о славных советских моряках, живущих жизнью своей родины и тогда, когда море разлучает их с нею. Это чувство неразрывной связи, единства советских людей звучит лейтмотивом пьесы, ее центральной темой. Эта значительная тема выражена с большой непосредственностью и потому воспринимается с волниением.

— Лишь на десять кадровых не смею, — говорит о нем командир дивизиона Харитонов. — Хладнокровный, настырный.

С большой выразительностью написана драматургом сцена на командном пункте дивизиона, где раненый Лишев докладывает о неудачном бою. В провале операции меньше всего повинен он сам. Но от этого Лишеву не легче: его катер потоплен, причины пропала операция неясны, это злит, раздражает его.

— Немцы, поди, хихикают. Стыдно, —

Классик армянской литературы

Имя и творчество Аветика Исаакяна, одного из родоначальников современных армянских поэтов, вызывает чувство неизменной национальной гордости не только у армян Советского Союза, но и у значительной части армянского народа, которая в силу исторических условий оказалась рассеянной почтой по всему земному шару.

Аветик Исаакян приобрел известность еще в дооктябрьской России, когда литературы наших братских народов для подавляющего большинства русских читателей и даже литераторов оставались «белым пятном». В. Брюсов, говоря о значении для армянской литературы трех ее корифеев — Туманяна, Иоаннисана и Исаакяна — писал: «Эти три поэта составляют наиболее яркое трехзвездье на небе армянской литературы, и ее исторические пути лежат через деятельность этих трех писателей».

Тонкая, скорбная, мятущаяся и вместе с тем мудрая муз Аветака не случайно очаровала тогда и А. Блок. В одном из писем 1916 года он — со свойственной ему поэтической прозорливостью — восторженно оценивал позицию Исаакяна: «Аветакян — поэт первоклассный, может быть, такого светлого и непосредственного таланта во всей Европе нет... «Светлый и непосредственный» — вот свойство таланта А. Исаакяна. Да, светлы, несмотря на его печальное звучание, на трагический тон его лирической, глубокой души.

Исаакян вышел на литературную дорогу в начале 90-х годов. В те годы «Вестник армянства», когда «Победоносец над Россией» прошел «солнечные крылья» (Блок), нелегко было читать оптимизм и болесть даже русскому поэту, тем более сыну трижды многострадальной Армении.

Исаакян, с особенной болью воспринимавший и общечеловеческое социальное неустройство, не мог не воспринимать трагическую судьбу своего родного народа, чьи древние культуры и литературы по очень рано и глубоко восприняты были теми культурой России и Запада былой почвой, на которой врос его пленительный поэтический талант.

Исаакян, с поглощенным в пылью, глухими, когда «Победоносец над Россией» прошел «солнечные крылья» (Блок), нелегко было читать оптимизм и болесть даже русскому поэту, тем более сыну трижды многострадальной Армении.

Исаакян, с особенной болью воспринимавшим и общечеловеческое социальное неустройство, не мог не воспринимать трагическую судьбу своего родного народа, чьи древние культуры и литературы по очень рано и глубоко восприняты были теми культурой России и Запада былой почвой, на которой врос его пленительный поэтический талант.

Конечно, Исаакян «пел песни в унылых ирачном», конечно, он чувствовал себя «больным», «истерзанным душой», «несчастно раненым».

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Б другом месте он пишет:

«Мои дух был грохот, напинист вдаль, И речь моя — молот бил и пожар...» (Перевод В. Державина).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее песней и словом карта...» (Перевод Б. Соловьева).

Состоило вспыхнуть первым заринами года, всподобленной грозой, первым залпом из тысячи ярик злобных волнистых ярик Исаакян откликается на них рядом стихотворений со всем другой тональностью:

«Я спускаюсь к толпе и несу Иные заветы и скрижаль. Я в душу толпы устремляюсь мечтой. Чтоб жечь ее

ГЛУБОКАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

«Товарищ Инбер, только что прочел ваш дневник в «Знамении». Да, здорово мы с вами пережили в Ленинграде. И как хорошо и просто вы все это описали. Спасибо вам за это. За «Меридиан» — приеду, отблагодарю лично. Эту книгу мы, ленинградские офицеры, читали и читаем. Когда засосет тоска по родине — читаем еще раз».

Так пишет автору «Ленинградского дневника» и «Пулковского меридиана» один из защитников Ленинграда.

Другой читатель-боец, прочитав «Ленинградский дневник», пишет автору две фотографии города Браслава — после работы нашей артиллерии, и отвечается, что не может прислать фотографию немецкого танка «сгоревшего на «сюрпризе», погибшим в моном взводом, когда воевал под Ленинградом».

Таких писем хлынуло к автору ленинградского дневника и ленинградской поэзии целый поток. Пишут и бойцы, сообщающие, что отомстили фашистам за погибшего внучку автора, пишут и люди, потерявшие во время ленинградской блокады своих близких, и герои Отечественной войны, кто вступающие в жизнь юноши и девушки.

Массовый интерес к обоим этим произведениям Веры Инбер — не случайная привлекательность читательского вкуса. Именно в этих видах читатель нашел конкретное отражение той огромной моральной стойкости, того непревзойденного геронизма, который проявил подвергнувшись всем ужасам войны мирное советское население и который был одной из неотъемлемых составных частей нашей победы. Именно это свойство делает книги Веры Инбер такими захватывающими и для людей, переживших ленинградскую блокаду, и для тех, кто издала с тревогой и восхищением слышал за героической борьбой ленинградцев.

Приведем лишь один характерный пример из «Ленинградского дневника», где Вера Инбер записывает, как, возвращаясь со своим спутником домой ночью, она попала под постину непрерывную бомбезку.

«По площади Льва Толстого мы уже не шли, а бежали под сплошными заградительным огнем. И вдруг впереди булыжник на углу, на льду тротуара, — дрожащая мольба: «Голубчики, родные, помогите!». Старуха. Упала во тьму, в небе над ней ревут самолеты, бушует огонь, а на земле — ни души, только мы. Подняли ее и устремились было дальше. А она: «Родные, бесценные, я карточки свои хлебные потеряла. Как же я без них? Дорогие, помогите! И шарят в темноте свои искривленные стограммовые карточки.

Но на меня от страха и утомления начало полное отупление. Говорю: «Ищите сами. Мы не можем».

И. Д. ничего не сказал, выпустил мою руку, нагнулся, понесла старуху карточки. Потом мы съехали на Петровскую улицу. И побежали дальше».

На первый взгляд, как будто речь идет о чем-то совершенно обычном (недаром некоторой части критики и вся книга показалась черезсур обывательной). Обычный жест культурного человека.

Но в том-то и состояла трудный героним ленинградцев, чтобы сохранить моральную стойкость советского общества, чтобы сохранить все простые, человеческие движения, все навыки полноценной человеческой культуры в то время, когда враг создал для них такие условия, когда оставаться человеком казалось невозможным, когда сплошь и рядом легче было геронически умереть, чем продолжать вести достойную человека жизнь, не одичать, не отрубить душевно, не толкнуть в борьбу за существование слабейших. Именно это и требовало ежедневных, ежеминутных усилий. Но если бы эти усилия прекратились, не в состоянии были бы защищать город. Перестать быть людьми в полном смысле этого слова — означало стать аистом.

Именно это героним и отражается в «Ленинградском дневнике» Веры Инбер и в ее опубликованной во время ленинградской блокады поэме «Пулковский меридиан». И именно эта глубокая человечность ее произведений привлекла к ней сердца читателей. Любой эпизод, записанный в дневнике, любая поэма, посланная в эти дни, теме советского патриотизма, начинается со скрупульного рассказа о маленьком мальчике, со слезами гасящими зажигательную бомбу: «он болеет ее; ему было всего девять лет, но, плача, он все же гасил ее», и до строф в «Пулковском меридиане», посвященных строителям ледяной трассы на Ладоге, которая в самые критические дни спасла Ленинград от голодной смерти:

«Людина, обхвачена трех сторон, Шел Гитлер, сибирь сорока степей; Бомбы! Он артилерию приблизил, Но не поколебил ни на миговине, Не пристановил ни на миговине, Он сорвал землянку ленинградского биенне».

И видя это, раздробленный враг, Предполагавший, город взять с разбега, Каюсь бы, испытанных стратегов Привал на помощь он: Мороз и Мрак. И те пришли, готовые к побегам. А третий, Головой шел за ними следом.

Он шел туповитым шнырял из дома в дом, Нын языком в продуктивной каски, А в это же время, подождавши с мраком, С маком метр, Волосы боялись со льдом. С опасностью, со смертью пополам, Был доставлен хлеба каждый грамм.

Уже одни эти строки делают понятным тот героним, который встретил в «Пулковском меридиане» среди очень разных, казалось бы, далеких друг другу и неподхожих друг на друга людей.

И «Ленинградский дневник» и «Пулковский меридиан» написаны рукой не зрителя, а умного, наблюдательного и страстного участника событий, много размышлявшего о них и умеющего передать свои мысли и чувства читателю. И это делает их ценным вкладом в литературу об Отечественной войне.

Иллюстрация И. Бекетова к роману «Шашмен» и Гариф» (Гослитиздат).

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: критики — К 4-76-02, литература — К 4-26-04, издательство — К 3-19-30.

Б-03273.

Александра БРУШТЕЙН

ЛЮБИМЫЙ ГЕРОЙ

Трудно вообразить читателя, который добровольно, без повелительной к тому необходимости, прервал бы чтение этой книги, спокойно заложив недочитанную страницу с тем, чтобы вернуться к ней позднее. «Сын полка» читает заплом, как жаркий день пьешь родниковую воду. Читаешь со смущенной догадкой, что, вероятно, вот так же, едином духом, писал свою повесть и автор, подхваченный приливом радостного вдохновения любви к своему герою и желания поведать о нем миру. Оттого повесть и получилась цельной заволнованной, как песни — песни о советском ребенке дни войны.

Так пишет автору «Ленинградского дневника» и «Пулковского меридиана» один из защитников Ленинграда.

Другой читатель-боец, прочитав «Ленинградский дневник», пишет автору две фотографии города Браслава — после работы нашей артиллерии, и отвечается, что не может прислать фотографию немецкого танка «сгоревшего на «сюрпризе», погибшим в моном взводом, когда воевал под Ленинградом».

Таких писем хлынуло к автору ленинградского дневника и ленинградской поэзии целый поток. Пишут и бойцы, сообщающие, что отомстили фашистам за погибшего внучку автора, пишут и люди, потерявшие во время ленинградской блокады своих близких, и герои Отечественной войны, кто вступающие в жизнь юноши и девушки.

Массовый интерес к обоим этим произведениям Веры Инбер — не случайная привлекательность читательского вкуса. Именно в этих видах читатель нашел конкретное отражение той огромной моральной стойкости, того непревзойденного геронизма, который проявил подвергнувшись всем ужасам войны мирное советское население и который был одной из неотъемлемых составных частей нашей победы. Именно это свойство делает книги Веры Инбер такими захватывающими и для людей, переживших ленинградскую блокаду, и для тех, кто издала с тревогой и восхищением слышал за героической борьбой ленинградцев.

Приведем лишь один характерный пример из «Ленинградского дневника», где Вера Инбер записывает, как, возвращаясь со своим спутником домой ночью, она попала под постину непрерывную бомбезку.

«По площади Льва Толстого мы уже не шли, а бежали под сплошными заградительным огнем. И вдруг впереди булыжник на углу, на льду тротуара, — дрожащая мольба: «Голубчики, родные, помогите!». Старуха. Упала во тьму, в небе над ней ревут самолеты, бушует огонь, а на земле — ни души, только мы. Подняли ее и устремились было дальше. А она: «Родные, бесценные, я карточки свои хлебные потеряла. Как же я без них? Дорогие, помогите! И шарят в темноте свои искривленные стограммовые карточки.

Но на меня от страха и утомления начало полное отупление. Говорю: «Ищите сами. Мы не можем».

И. Д. ничего не сказал, выпустил мою руку, нагнулся, понесла старуху карточки. Потом мы съехали на Петровскую улицу. И побежали дальше».

На первый взгляд, как будто речь идет о чем-то совершенно обычном (недаром некоторой части критики и вся книга показалась черезсур обывательной). Обычный жест культурного человека.

Но в том-то и состояла трудный героним ленинградцев, чтобы сохранить моральную стойкость советского общества, чтобы сохранить все простые, человеческие движения, все навыки полноценной человеческой культуры в то время, когда враг создал для них такие условия, когда оставаться человеком казалось невозможным, когда сплошь и рядом легче было геронически умереть, чем продолжать вести достойную человека жизнь, не одичать, не отрубить душевно, не толкнуть в борьбу за существование слабейших. Именно это и требовало ежедневных, ежеминутных усилий. Но если бы эти усилия прекратились, не в состоянии были бы защищать город. Перестать быть людьми в полном смысле этого слова — означало стать аистом.

Именно это героним и отражается в «Ленинградском дневнике» Веры Инбер и в ее опубликованной во время ленинградской блокады поэме «Пулковский меридиан». И именно эта глубокая человечность ее произведений привлекла к ней сердца читателей. Любой эпизод, записанный в дневнике, любая поэма, посланная в эти дни, теме советского патриотизма, начинается со скрупульного рассказа о маленьком мальчике, со слезами гасящими зажигательную бомбу: «он болеет ее; ему было всего девять лет, но, плача, он все же гасил ее», и до строф в «Пулковском меридиане», посвященных строителям ледяной трассы на Ладоге, которая в самые критические дни спасла Ленинград от голодной смерти:

«Людина, обхвачена трех сторон, Шел Гитлер, сибирь сорока степей; Бомбы! Он артилерию приблизил, Но не поколебил ни на миговине, Не пристановил ни на миговине, Он сорвал землянку ленинградского биенне».

И видя это, раздробленный враг, Предполагавший, город взять с разбега, Каюсь бы, испытанных стратегов Привал на помощь он: Мороз и Мрак. И те пришли, готовые к побегам. А третий, Головой шел за ними следом.

Он шел туповитым шнырял из дома в дом, Нын языком в продуктивной каски, А в это же время, подождавши с мраком, С маком метр, Волосы боялись со льдом. С опасностью, со смертью пополам, Был доставлен хлеба каждый грамм.

Уже одни эти строки делают понятным тот героним, который встретил в «Пулковском меридиане» среди очень разных, казалось бы, далеких друг другу и неподхожих друг на друга людей.

И «Ленинградский дневник» и «Пулковский меридиан» написаны рукой не зрителя, а умного, наблюдательного и страстного участника событий, много размышлявшего о них и умеющего передать свои мысли и чувства читателю. И это делает их ценным вкладом в литературу об Отечественной войне.

Иллюстрация И. Бекетова к роману «Шашмен» и Гариф» (Гослитиздат).

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19. (Для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: критики — К 4-76-02, литература — К 4-26-04, издательство — К 3-19-30.

Б-03273.